

МОТИВ ГОЛОДА КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРОЗЕ 1980-Х ГГ. О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ ДЕТСТВА)

©Е.Л. Гречаникова

Образ детства получает новые грани осмысления в прозе 1980-х гг. о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне. Цель данной статьи – анализ специфики реализации мотива голода в «военной» прозе, где главными героями являются дети (на примере текстов С. Алексиевич, А. Кристоф, А. Приставкина, В. Казько). Субъективность восприятия детским сознанием военной действительности делает образ голода одним из центральных аспектов художественного мира названных произведений. Правомерно говорить о мотиве голода, который может служить «отправной точкой» детского воспоминания, выполняет функции сюжетобразующего элемента, выявляет конфликт ценностных установок, служит раскрытию образов персонажей.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая отечественная война, «военная» проза 1980-х гг., мотив, голод, сюжетобразующий элемент, тема детства, образ ребёнка.

В произведениях русской и зарубежной литературы 1980-х гг. о Второй мировой войне и Великой Отечественной войне актуализируется интерес к «периферийным» аспектам военной действительности, в частности, к теме детства. При обращении к художественному материалу обнаруживается примечательная закономерность: в «военной» прозе, где главными героями являются дети, одним из центральных становится *мотив голода*. В качестве объекта исследования были выбраны нон-фикшн С. Алексиевич «Последние свидетели», роман А. Кристоф «Толстая тетрадь», повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...» и роман В. Казько «Хроники детдомовского сада».

Феномен детской памяти в нон-фикшн *С. Алексиевич «Последние свидетели (сто недетских рассказов)» (1985 г.)* проявляется в фиксации субъективно значимого впечатления (рассказчикам во время Великой Отечественной войны было от 2 до 14 лет). Образ голода в тексте может служить «общим фоном» военной действительности, но также часто становится «отправной точкой» воспоминания, выполняя сюжетобразующую функцию. Физическое страдание от голода, разнообразные способы подавления чувства голода, последствия голода – «общее место» большинства «недетских историй»:

– «Если рядом со мной кто-то что-то ел, я старалась скорее *закрыть глаза и уснуть*. Уснуть до того, как он *начнёт глотать*» [1, с. 319],

– «От голода брат *съел угол печки*» [1, с. 341],

– «Мать за зиму *сварила все кожухи и кнуты*, а нам они *пахли мясом*» [1, с. 341],

– «Весной в радиусе нескольких километров вокруг детдома не распускалось ни одно дерево, *мы съедали все почки*» [1, с. 295],

– «Смотрим – нет учительницы, смотрим – она на полу лежит. Она была голодная и тоже слышала этот *запах* [подсолнечного масла] и *упала в обморок*» [1, с. 394] и мн. др.

Субъективность детской ценностной системы и глубина эмпатии усиливают драматизм эпизодов. Ребёнок готов отдать любимую игрушку, которую раньше «никому в руки не давал», чтобы спасти от голода семью («Сварим утёнка и все будем сытые...» [1, с. 323]), готов поделиться последней едой с питомцами («Другой раз *не хватает на кошку и собаку*, так тайком каждый *старается припрятать им кусочек*» [1, с. 360]) и даже врагами («...У девочек случались *голодные обмороки*, но мы тайком всё равно *оставляли еду для этих пленных*» [1, с. 429]). Для ребёнка жизнь животного равноценна человеческой, он неспособен видеть в нём «еду»:

– «И давали нам <...> такой маленький *кусочек Майки*... Но от нас это долго скрывали. Мы *не могли бы её есть*...» [1, с. 295–296];

– «Она привыкла и ходила за нами, *как собачка*. Как мы ни голодали, а *курицу спасли*...» [1, с. 341];

– «И ещё *два голодных кота*. Скелеты! Хорошо, думали мы потом, <...> что *коты такие худые*, нам *не придётся их есть*» [1, с. 296] и т. п.

Одна из глав романа **А. Кристоф «Толстая тетрадь» (1986 г.)**, написанного в форме детского дневника, названа «Упражнение на голод». Близнецы Клаус и Лукас добровольно отказываются от еды: «Мы *решили ничего не есть* ни сегодня, ни завтра», «чтобы научиться *терпеть голод*» [2, с. 40]. Для детей «упражнение на голод» – это пока контролируемая «игра», «тренировка»: «мы *чувствуем сильный голод*», «нам *трудно заснуть*», «*во сне мы видим еду*», «у нас *кружится голова*», «мы *чувствует тошноту и спазмы в животе*» [2, с. 40]. Братья моделируют весьма вероятную в обстоятельствах войны ситуацию, когда голод станет неконтролируемой реальностью, каковой уже является для многих жителей оккупированного венгерского городка:

– «Соседка жива. Мы *наливаем ей в рот козье молоко*...» [2, с. 56],

– «Однажды мы застали её, когда она *высасывала молоко из вымени* у одной нашей козы» [2, с. 30],

– «...Хорошо одетые дамы <...> *умоляют дать курицу или круг колбасы* в обмен на кольцо или серьги» [2, с. 125] и мн. др.

Из 26 лексем с корнем «*голод*» в трилогии А. Кристоф 15 приходится на первую часть, описывающую военное время. Пищевые продукты – важный аспект художественного мира романа, о чём свидетельствует частота упоминания (лексема «еда» встречается на страницах достаточно компактного текста 23 раза, «молоко» – 17 раз, «яблоки» – 16, «суп», «фрукты» – 13, «яйца», «овощи» – 12, «хлеб» – 10, «шоколад» – 7, «колбаса» – 6, «сыр» – 5, «варенье», «печенье», «консервы» – 4).

Через антитезу «голодный» – «сытый» в «Толстой тетради» реализуется конфликт ценностных установок, «ракурсов» восприятия действительности. Готовность поделиться едой или поступиться принципами ради спасения человека от голодной смерти служит в романе *критерием оценки гуманности*, нравственности персонажей. В главе «Шантаж» близнецы угрожают местному кюре, требуя еду для соседок, которые *«сейчас умирают от голода и холода»* [2, с. 57]. В главе «Обвинения» разговор между близнецами и денщиком немецкого офицера демонстрирует полярные жизненные позиции: «Сегодня вечером есть, пить, петь песни с друзьями. <...> Если вы *голоден*, есть *шоколад, печенье, колбаса*». – «Много людей *умирают от голода*». – «Много люди умирать от голод или от другое. Мы *не думать*. Мы *есть, а не умирать*» [2, с. 60].

В главе «Стадо людей» служанка кюре, услышав из толпы измождённых от голода пленных просьбу «*Хлёба*», протягивает навстречу «худой руке» тартинку, однако тут же «с громким смехом <...> откусывает и говорит: А я *тоже хочу есть!*» [2, с. 89] Позже она «успокаивает» близнецов, ставших свидетелями описанной сцены: «С вами такое не случится никогда. Эти люди – просто *скоты*» [2, с. 90]. Когда братьев подозревают в покушении на убийство (служанка искалечена взрывчаткой, подброшенной в дрова для кухонной печи), на замечание кюре о том, что «отмщение принадлежит Богу», они отвечают: «Нам *не о чем жалеть*» [2, с. 111].

Мотив голода становится одним из ключевых в повести **А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1987 г.)**. Жизнь детдомовцев Кольки и Сашки «Кузьмёнышей» «вращается» вокруг одной проблемы, мысли, цели – поесть: «Вся напряжённая жизнь ребят складывалась вокруг мёрзлой картофелинки, картофельных очистков и, как *верха желания и мечты*, – *корочки хлеба, чтобы <...> выжить* один только лишний военный день», «...Сильные пожирали всё, оставляя слабым крохи... <...> *За корочку попадали в рабство*» [3, с. 7]. Первые главы полностью посвящены описанию подготовки и осуществления плана по проникновению в «*святая святых*» детдома: в *ХЛЕБОРЕЗКУ*» [3, с. 7]. Практически в каждой главе повести центральное место занимают описания еды или рассказы о попытках её заполучить. «Поёшь ли, читаешь – всё одно *о жратве думаешь*», – размышляет Сашка, который по этой причине на протяжении урока смог выучить только две строки «стишка» «Ночевала тучка золотая...» [3, с. 16]. Любой объект, ситуация оцениваются с точки зрения *перспективы поесть*. Братья ничего не знают о Кавказе, но добровольно отправляются туда с трудовой колонией, поскольку создали в мечтах идиллическую картину: на Кавказе «*повсюду хлеборезки натыканы... <...> А люди все <...> весёлые такие... <...> “Якши”, – говорят. <...> А смысл один: “Ешь, мол, больше, у нас хлеборезок много”*» [3, с. 17].

Еда – это не просто базовая потребность, а синоним жизни для голодных детдомовцев. После того, как Колька обнаруживает Сашку жестоко убитым посреди кукурузного поля, образ еды на время исчезает со страниц повести. Колька, осознающий смерть брата как смерть части себя, не чувствует голода, не может есть: «...Вытащил <...> пол-литровую банку джема <...>, съел две ложки, но его тут же *стошнило*» [3, с. 192]. Лишь когда тело брата в понимании Кольки «похоронено», он будто заново с помощью чеченского мальчика Алхузура учится принимать пищу, т. е. «возвращается к жизни»: «И опять *орех жевал...* И по одной ягоде *виноград* давил прямо в губы. <...> Дело пошло на поправку» [3, с. 204].

Тема голода в романе **В. Казько «Хроники детдомовского сада» (1986 г.)** широко представлена в эпизодах, посвящённых жизни детей и подростков в детском доме в первые послевоенные годы. Детдомовцы думают о еде, ищут еду, отбирают еду у слабых, они «всеядны»: «*Ён гліну, як здобнає цеста*, толькі так *глытає* <...>. Адкалупне ад печы – і ў рот з мелям разам» [4, с. 255]. Принципы распределения пищи могут демонстрировать как сплочённость воспитанников (образ «*апошняга кавалка хлеба*», который «*дзялілі на дзесяць чалавек*» [4, с. 226]), так и жестокие правила «дедовщины», согласно которым младшие не имеют права «без дазволу царка» [4, с. 170] есть мясо в супе, а также сладкое – это следует отдавать старшим.

Образ столовой, где «*вымяталі ўсё як венікам*» [4, с. 177], в сознании послевоенных детей приобретает сакральные черты, видится «храмом». Воровство древесины для строительства столовой не расценивается детьми как преступление («...Мы ідзём <...> на святы *крадзеж*. Дзетдому трэба сталоўка» [4, с. 266]), а драка с плотогонами ассоциируется у детдомовцев с настоящим боем: «*біліся смертным боем з плытагонамі...*» [4, с. 256]. Голодные дети готовы пойти на преступление – взломать двери столовой – ради «золотого ключика» (так было написано на коробке). Проявляя «взрослость» в других сферах жизни, подростки верят в сказочный образ «ключика» (аналога волшебной палочки) и в то, что с его помощью можно получить «*на бохану хлеба на рыла*» [4, с. 269]. Прокурор, к которому для разбирательства привозят «взломщиков», не заводит уголовное дело, поскольку осознаёт трагизм заблуждения: голодные «дети войны» не знают, что «Золотой ключик» – конфета. Также трагикомично подаётся автором эпизод обучения детдомовцев есть вилкой и ножом. Завуч «насмешыў усіх да слёз» [4, с. 176], потому что «не даўмеўся растлумачыць, што праваю рукою бярэцца нож і нажом гэтым *рэжуць мяса* <...>. Самому таго мяса прыходзілася бачыць гады ў рады» [4, с. 177].

Таким образом, субъективность восприятия детским сознанием военной действительности делает образ голода одним из центральных аспектов художественного

мира произведений «военной» прозы 1980-х гг., где главными героями являются дети. Правомерно говорить о *мотиве голода*, который может служить «отправной точкой» детского воспоминания, выполняет сюжетообразующую функцию, демонстрирует конфликт ценностных установок, служит раскрытию образов персонажей.

Список литературы

1. Алексиевич С. Последние свидетели (сто не детских рассказов) // У войны – не женское лицо. Последние Свидетели. М.: Издательство «Остожье», 1998. С. 285–460.
2. Кристоф А. Толстая тетрадь. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. 447 с.
3. Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая: Повести. М.: Советский писатель, 1988. 432 с.
4. Казько В. Хроніка дзетдомаўскага саду. Мн.: Юнацтва, 1996. 444 с.

HUNGER MOTIF AS A PLOT-FORMING ELEMENT IN THE PROSE ABOUT THE SECOND WORLD WAR IN THE 1980S (ON THE ISSUE OF THE IMAGE OF CHILDHOOD)

E.L. Grechanikova

The image of childhood receives new facets of comprehension in the prose about the Great Patriotic War and the Second World War in the 1980s. The purpose of this article is to analyze the specifics of the implementation of the hunger motif in the “military” prose, where the main characters are children (using the example of texts by S. Alexievich, A. Kristof, A. Pristavkin, V. Kazko). The subjectivity of children’s perception of military reality makes the image of hunger one of the central aspects of the artistic world of these texts. It is legitimate to talk about the hunger motif, which can serve not only as a “starting point” of childhood memories, but also as a plot-forming element; it also reveals a conflict of values and the personalities of the characters.

Key words: Second World War, Great Patriotic War, “military” prose of the 1980s, motif, hunger, plot-forming element, theme of childhood, image of a child.

КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ БАЛЛАДЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А. ТАРКОВСКОГО И М. ЦВЕТАЕВОЙ)

©Т.В. Черкес

В статье рассматриваются стихотворения А. Тарковского «Стол накрыт на шестерых» и М. Цветаевой «Я стол накрыл на шестерых» в культурном и литературном контекстах. Наличие константного балладного сюжета несостоявшейся свадьбы, свидетельствующего о нарушении гармонии мира, позволяет уточнить жанровую природу произведений. Связь с жанровым каноном показывает, как традиции имплицитно проявляются в «памяти жанра» (М. Бахтин). В общности сюжетов, трагическом биографическом контексте, переосмыслении понятий *живой / мертвый* выявляются интертекстуальные связи с балладой Серебряного